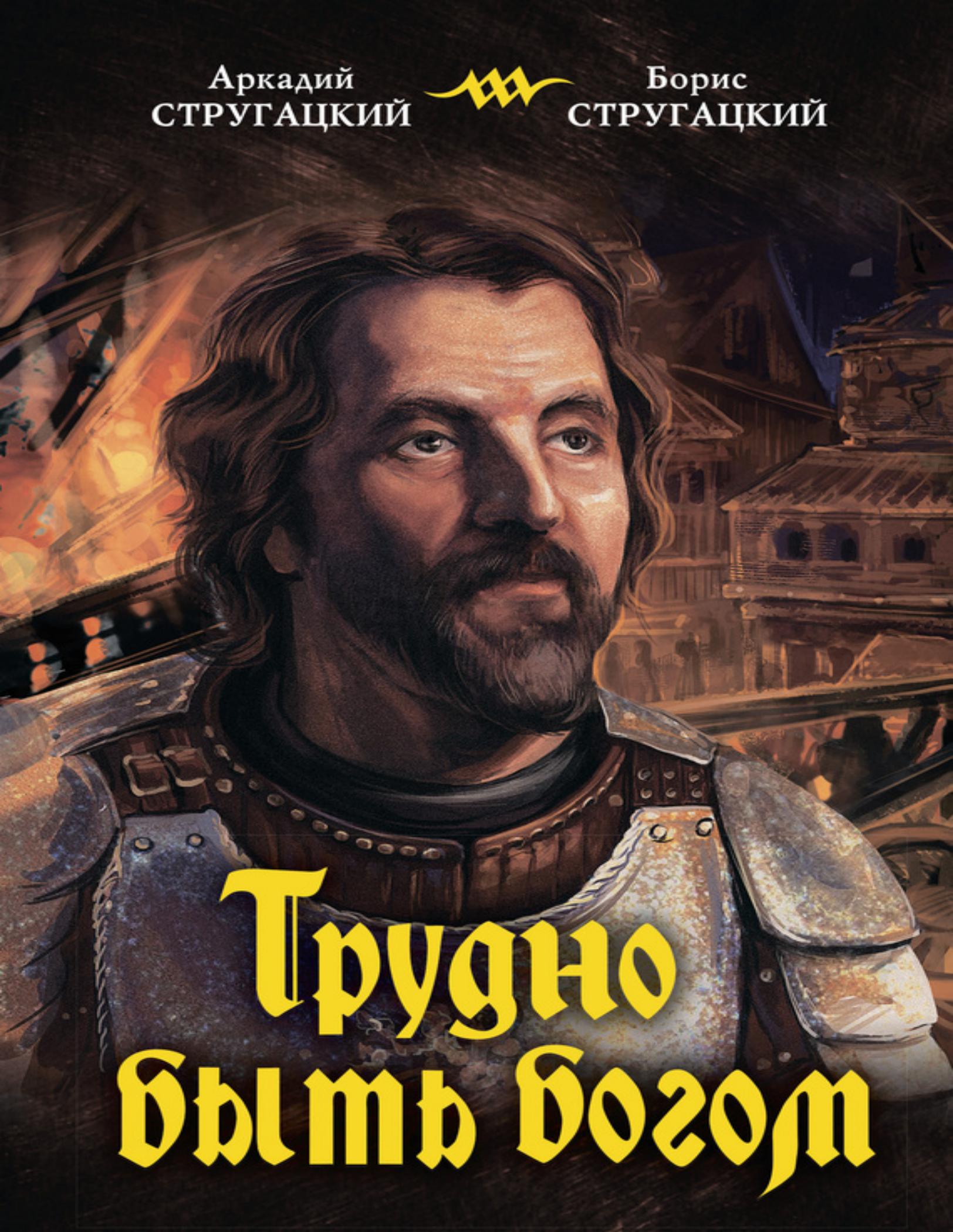

Аркадий
СТРУГАЦКИЙ

Борис
СТРУГАЦКИЙ

A detailed illustration of a warrior with long, wavy brown hair and a full beard. He is wearing dark, weathered armor with large, rusted metal shoulder plates. The background shows a wooden building, possibly a castle or a village, with a warm, golden light filtering through the scene, suggesting a sunset or sunrise.

**Трудно
быть богом**

**Аркадий и Борис Стругацкие
Трудно быть богом**

«То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться».

Пьер Абеляр

«Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?»

Эрнест Хемингуэй

Пролог

Ложа Анкиного арбалета была выточена из черной пластмассы, а тетива была из хромистой стали и натягивалась одним движением бесшумно скользящего рычага. Антон новшеств не признавал: у него было доброе боевое устройство в стиле маршала Тоца, короля Пица Первого, окованное черной медью, с колесиком, на которое наматывался шнур из воловьих жил. Что касается Пашки, то он взял пневматический карабин. Арбалеты он считал детством человечества, так как был ленив и неспособен к столярному ремеслу.

Они причалили к северному берегу, где из желтого песчаного обрыва торчали корявые корни мачтовых сосен. Анка бросила рулевое весло и оглянулась. Солнце уже поднялось над лесом, и все было голубое, зеленое и желтое – голубой туман над озером, темно-зеленые сосны и желтый берег на той стороне. И небо над всем этим было ясное, белесовато-синее.

– Ничего там нет, – сказал Пашка.

Ребята сидели, перегнувшись через борт, и глядели в воду.

– Громадная щука, – уверенно сказал Антон.

– С вот такими плавниками? – спросил Пашка.

Антон промолчал. Анка тоже посмотрела в воду, но увидела только собственное отражение.

– Исккупаться бы, – сказал Пашка, запуская руку по локоть в воду. – Холодная, – сообщил он.

Антон перебрался на нос и спрыгнул на берег. Лодка закачалась. Антон взялся за борт и выжидательно посмотрел на Пашку. Тогда Пашка поднялся, заложил весло за шею, как коромысло, и, извиваясь нижней частью туловища, пропел:

Старый шкипер Вицлипуцли!

Ты, приятель, не заснул?

Берегись, к тебе несутся
Стаи жареных акул!

Антон молча рванул лодку.

– Эй-эй! – закричал Пашка, хватаясь за борта.

– Почему жареных? – спросила Анка.

– Не знаю, – ответил Пашка. Они выбрались из лодки. – А верно, здорово? Стаи жареных акул!

Они потащили лодку на берег. Ноги проваливались во влажный песок, где было полным-полно высохших иголок и сосновых шишек. Лодка была тяжелая и скользкая, но они выволокли ее до самой кормы и остановились, тяжело дыша.

– Ногу отдал, – сказал Пашка и принялся поправлять красную повязку на голове. Он внимательно следил за тем, чтобы узел повязки был точно над правым ухом, как у носатых ируканских пиратов. – Жизнь не дорога, о-хэй! – заявил он.

Анка сосредоточенно сосала палец.

– Занозила? – спросил Антон.

– Нет. Содрала. У кого-то из вас такие когти...

– Ну-ка, покажи.

Она показала.

– Да, – сказал Антон. – Травма. Ну, что будем делать?

– На пле-чо – и вдоль берега, – предложил Пашка.

– Стоило тогда вылезать из лодки, – сказал Антон.

– На лодке и курица может, – объяснил Пашка. – А по берегу: тростники – раз, обрывы – два, омуты – три. С налимами. И сомы есть.

– Стаи жареных сомов, – сказал Антон.

– А ты в омут нырял?

– Ну, нырял.

– Я не видел. Не довелось как-то увидеть.

– Мало ли чего ты не видел.

Анка повернулась к ним спиной, подняла арбалет и выстрелила в сосну шагах в двадцати. Посыпалась кора.

– Здорово, – сказал Пашка и сейчас же выстрелил из карабина. Он целился в Анкину стрелу, но промазал. – Дыхание не задержал, – объяснил он.

– А если бы задержал? – спросил Антон. Он смотрел на Анку.

Анка сильным движением оттянула рычаг тетивы. Мускулы у нее были отличные – Антон с удовольствием смотрел, как прокатился под смуглой кожей твердый шарик бицепса.

Анка очень тщательно прицелилась и выстрелила еще раз. Вторая стрела с треском воткнулась в ствол немного ниже первой.

– Зря мы это делаем, – сказала Анка, опуская арбалет.

– Что? – спросил Антон.

– Дерево портим, вот что. Один малек вчера стрелял в дерево из лука, так я его заставила зубами стрелы выдергивать.

– Пашка, – сказал Антон. – Сбегал бы, у тебя зубы хорошие.

– У меня зуб со свистом, – ответил Пашка.

– Ладно, – сказала Анка. – Давайте что-нибудь делать.

– Неохота мне лазить по обрывам, – сказал Антон.

– Мне тоже неохота. Пошли прямо.

– Куда? – спросил Пашка.

– Куда глаза глядят.

– Ну? – сказал Антон.

– Значит, в сайву, – сказал Пашка. – Тошка, пошли на Забытое Шоссе. Помнишь?

– Еще бы!

– Знаешь, Анечка... – начал Пашка.

– Я тебе не Анечка, – резко сказала Анка. Она терпеть не могла, когда ее называли не Анка, а как-нибудь еще.

Антон это хорошо запомнил. Он быстро сказал:

– Забытое Шоссе. По нему не ездят. И на карте его нет. И куда идет, совершенно неизвестно.

– А вы там были?

- Были. Но не успели исследовать.
- Дорога из ниоткуда в никуда, – изрек оправившийся Пашка.
- Это здорово! – сказала Анка. Глаза у нее стали как черные щелки. – Пошли. К вечеру дойдем?
- Ну что ты! До двенадцати дойдем.

Они полезли вверх по обрыву. На краю обрыва Пашка обернулся. Внизу было синее озеро с желтоватыми проплешинами отмелей, лодка на песке и большие расходящиеся круги на спокойной маслянистой воде у берега – вероятно, это плеснула та самая щука. И Пашка ощутил обычный неопределенный восторг, как всегда, когда они с Тошкой удирали из интерната и впереди был день полной независимости с неразведанными местами, с земляникой, с горячими безлюдными лугами, с серыми ящерицами, с ледяной водой в неожиданных родниках. И, как всегда, ему захотелось заорать и высоко подпрыгнуть, и он немедленно сделал это, и Антон, смеясь, поглядел на него, и он увидел в глазах Антона совершенное понимание. А Анка вложила два пальца в рот и лихо свистнула, и они вошли в лес.

Лес был сосновый и редкий, ноги скользили по опавшей хвое. Косые солнечные лучи падали между прямых стволов, и земля была вся в золотых пятнах. Пахло смолой, озером и земляникой; где-то в небе верещали невидимые пичужки.

Анка шла впереди, держа арбалет под мышкой, и время от времени нагибалась за кровавыми, будто лакированными, ягодами земляники. Антон шел следом с добрым боевым устройством маршала Тоца на плече. Колчан с добрыми боевыми стрелами тяжело похлопывал его по заду. Он шел и поглядывал на Анкину шею – загорелую, почти черную, с выступающими позвонками. Иногда он озирался, ища Пашку, но Пашки не было видно, только по временам то справа, то слева вспыхивала на солнце его красная повязка. Антон представил себе, как Пашка бесшумно скользит между соснами с карабином наготове, вытянув вперед хищное худое лицо с облупленным носом. Пашка крался

по сайве, а сайва не шутит. Сайва, приятель, спросит – и надо успеть ответить, подумал Антон и пригнулся было, но впереди была Анка, и она могла оглянуться. Получилось бы нелепо.

Анка оглянулась и спросила:

– Вы ушли тихо?

Антон пожал плечами.

– Кто же уходит громко?

– Я, кажется, все-таки нашумела, – озабоченно сказала Анка. – Я уронила таз – и вдруг в коридоре шаги. Наверное, Дева Катя – она сегодня в дежурных. Пришлось прыгать в клумбу. Как ты думаешь, Тошка, что за цветы растут на этой клумбе?

Антон сморщил лоб.

– У тебя под окном? Не знаю. А что?

– Очень упорные цветы. «Не гнет их ветер, не валит буря». В них прыгают несколько лет, а им хоть бы что.

– Интересно, – сказал Антон глубокомысленно. Он вспомнил, что под его окном тоже клумба с цветами, которые «не гнет ветер и не валит буря». Но он никогда не обращал на это внимания.

Анка остановилась, подождала его и протянула горсть земляники. Антон аккуратно взял три ягоды.

– Бери еще, – сказала Анка.

– Спасибо, – сказал Антон. – Я люблю собирать по одной. А Дева Катя вообще ничего, верно?

– Это кому как, – сказала Анка. – Когда человеку каждый вечер заявляют, что у него ноги то в грязи, то в пыли...

Она замолчала. Было удивительно хорошо идти с нею по лесу плечом к плечу вдвоем, касаясь голыми локтями, и поглядывать на нее – какая она красивая, ловкая и необычно доброжелательная и какие у нее большие серые глаза с черными ресницами.

– Да, – сказал Антон, протягивая руку, чтобы снять блеснувшую на солнце паутину. – Уж у нее-то ноги не пыльные. Если тебя через лужи носят на руках, тогда, понимаешь, не запылишься...

– Кто это ее носит?

– Генрих с метеостанции. Знаешь, здоровый такой, с белыми волосами.

– Правда?

– А чего такого? Каждый малек знает, что они влюблены.

Они опять замолчали. Антон глянул на Анку. Глаза у Анки были как черные щелочки.

– А когда это было? – спросила она.

– Да было в одну лунную ночь, – ответил Антон без всякой охоты. – Только ты смотри не разболтай.

Анка усмехнулась.

– Никто тебя за язык не тянул, Тошка, – сказала она. – Хочешь земляники?

Антон машинально сгреб ягоды с испачканной ладошки и сунул в рот. Не люблю болтунов, подумал он. Терпеть не могу трепачей. Он вдруг нашел аргумент.

– Тебя тоже когда-нибудь будут таскать на руках. Тебе приятно будет, если начнут об этом болтать?

– Откуда ты взял, что я собираюсь болтать? – рассеянно сказала Анка. – Я вообще не люблю болтунов.

– Слушай, что ты задумала?

– Ничего особенного. – Анка пожала плечами. Немного погодя она доверительно сообщила: – Знаешь, мне ужасно надоело каждый божий вечер дважды мыть ноги.

Бедная Дева Катя, подумал Антон. Это тебе не сайва.

Они вышли на тропинку. Тропинка вела вниз, и лес становился все темнее и темнее. Здесь буйно росли папоротник и высокая сырая трава. Стволы сосен были покрыты мхом и белой пеной лишайников. Но сайва не шутит. Хриплый голос, в котором не было ничего человеческого, неожиданно проревел:

– Стой! Бросай оружие – ты, благородный дон, и ты, дона!

Когда сайва спрашивает, надо успеть ответить. Точным движением Антон сшиб Анку в папоротники налево, а сам прыгнул в папоротники направо, покатился и залег за гнилым пнем. Хриплое

эхо еще отдавалось в стволах сосен, а тропинка была уже пуста. Наступила тишина.

Антон, завалившись на бок, вертел колесико, натягивая тетиву. Хлопнул выстрел, на Антона посыпался какой-то мусор. Хриплый нечеловеческий голос сообщил:

– Дон поражен в пятку!

Антон застонал и подтянул ногу.

– Да не в эту, в правую, – поправил голос.

Было слышно, как Пашка хихикает. Антон осторожно выглянул из-за пня, но ничего не было видно в сумеречной зеленой каше.

В этот момент раздался пронзительный свист и шум, как будто упало дерево.

– Уау!.. – сдавленно заорал Пашка. – Пощады! Пощады! Не убивайте меня!

Антон сразу вскочил. Навстречу ему из папоротников, пятась, вылез Пашка. Руки его были подняты над головой. Голос Анки спросил:

– Тошка, ты видишь его?

– Как на ладони, – одобрительно отозвался Антон. – Не поворачиваться! – крикнул он Пашке. – Руки за голову!

Пашка покорно заложил руки за голову и объявил:

– Я ничего не скажу.

– Что полагается с ним делать, Тошка? – спросила Анка.

– Сейчас увидишь, – сказал Антон и удобно уселся на пень, положив арбалет на колени. – Имя! – рявкнул он голосом Гексы Ируканского.

Пашка изобразил спиной презрение и неповиновение. Антон выстрелил. Тяжелая стрела с треском вонзилась в ветку над Пашкиной головой.

– Ого! – сказал голос Анки.

– Меня зовут Бон Саранча, – неохотно признался Пашка. – «И здесь он, по-видимому, ляжет – один из тех, что были с ним».

– Известный насильник и убийца, – пояснил Антон. – Но он никогда ничего не делает даром. Кто послал тебя?

– Меня послал дон Сатарина Беспощадный, – соврал Пашка.

Антон презрительно сказал:

– Вот эта рука оборвала нить зловонной жизни дона Сатарина два года назад в Урочище Тяжелых Мечей.

– Давай я всажу в него стрелу? – предложила Анка.

– Я совершенно забыл, – поспешно сказал Пашка. – В действительности меня послал Арата Красивый. Он обещал мне сто золотых за ваши головы.

Антон хлопнул себя по коленям.

– Вот брехун! – вскричал он. – Да разве станет Арата связываться с таким негодяем, как ты!

– Можно, я все-таки всажу в него стрелу? – кровожадно спросила Анка.

Антон демонически захохотал.

– Между прочим, – сказал Пашка, – у тебя отстрелена правая пятка. Пора бы тебе истечь кровью.

– Дудки! – возразил Антон. – Во-первых, я все время жую кору белого дерева, а во-вторых, две прекрасные варварки уже перевязали мне раны.

Папоротники зашевелились, и Анка вышла на тропинку. На щеке ее была царапина, колени были вымазаны в земле и зелени.

– Пора бросить его в болото, – объявила она. – Когда враг не сдается, его уничтожают.

Пашка опустил руки.

– Вообще-то ты играешь не по правилам, – сказал он Антону. – У тебя все время получается, что Гекса хороший человек.

– Много ты знаешь! – сказал Антон и тоже вышел на тропинку. – Сайва не шутит, грязный наемник.

Анка вернула Пашке карабин.

– Вы что, всегда так палите друг в друга? – спросила она с завистью.

– А как же! – удивился Пашка. – Что, нам кричать: «Кх-кх! Пу-пу!» – что ли? В игре нужен элемент риска!

Антон небрежно сказал:

– Например, мы часто играем в Вильгельма Телля.

– По очереди, – подхватил Пашка. – Сегодня я стою с яблоком, а завтра он.

Анка оглядела их.

– Вот как? – медленно сказала она. – Интересно было бы посмотреть.

– Мы бы с удовольствием, – ехидно сказал Антон. – Яблока вот нет.

Пашка широко ухмылялся. Тогда Анка сорвала у него с головы пиратскую повязку и быстро свернула из нее длинный кулек.

– Яблоко – это условность, – сказала она. – Вот отличная мишень. Сыграем в Вильгельма Телля.

Антон взял красный кулек и внимательно осмотрел его. Он взглянул на Анку – глаза у нее были как щелочки. А Пашка развлекался – ему было весело. Антон протянул ему кулек.

– «В тридцати шагах промаха в карту не дам, – ровным голосом сказал он. – Разумеется, из знакомых пистолетов».

– «Право? – сказала Анка и обратилась к Пашке: – А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?»

Пашка пристраивал колпак на голове.

– «Когда-нибудь мы попробуем, – сказал он, скаля зубы. – В свое время я стрелял не худо».

Антон повернулся и пошел по тропинке, вслух считая шаги:

– Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

Пашка что-то сказал – Антон не расслышал, и Анка громко рассмеялась. Как-то слишком громко.

– Тридцать, – сказал Антон и повернулся.

На тридцати шагах Пашка выглядел совсем маленьким. Красный треугольник кулька торчал у него на голове, как шутовской колпак.

Пашка ухмылялся. Он все еще играл. Антон нагнулся и стал неторопливо натягивать тетиву.

– Благословляю тебя, отец мой Вильгельм! – крикнул Пашка. – И благодарю тебя за все, что бы ни случилось.

Антон наложил стрелу и выпрямился. Пашка и Анка смотрели на него. Они стояли рядом. Тропинка была как темный сырой коридор между высоких зеленых стен. Антон поднял арбалет. Боевое устройство маршала Тоца стало необычайно тяжелым. Руки дрожат, подумал Антон. Плохо. Зря. Он вспомнил, как зимой они с Пашкой целый час кидали снежки в чугунную шишку на столбе ограды. Кидали с двадцати шагов, с пятнадцати и с десяти – и никак не могли попасть. А потом, когда уже надоело и они уходили, Пашка небрежно, не глядя бросил последний снежок и попал. Антон изо всех сил вдавил приклад в плечо. Анка стоит слишком близко, подумал он. Он хотел крикнуть ей, чтобы она отошла, но понял, что это было бы глупо. Выше. Еще выше... Еще... Его вдруг охватила уверенность, что, если он даже повернется к ним спиной, фунтовая стрела все равно вонзится точно в Пашкину переносицу, между веселыми зелеными глазами. Он открыл глаза и посмотрел на Пашку. Пашка больше не ухмылялся. А Анка медленно-медленно поднимала руку с растопыренными пальцами, и лицо у нее было напряженное и очень взрослое. Тогда Антон поднял арбалет еще выше и нажал на спусковой крючок. Он не видел, куда ушла стрела.

– Промазал, – сказал он очень громко.

Переступая на негнущихся ногах, он двинулся по тропинке. Пашка вытер красным кульком лицо, встряхнув, развернул его и стал повязывать голову. Анка нагнулась и подобрала свой арбалет. Если она этой штукой трахнет меня по голове, подумал Антон, я ей скажу спасибо. Но Анка даже не взглянула на него.

Она повернулась к Пашке и спросила:

– Пошли?

– Сейчас, – сказал Пашка.

Он посмотрел на Антона и молча постучал себя согнутым пальцем по лбу.

– А ты уже испугался, – сказал Антон.

Пашка еще раз постучал себя пальцем по лбу и пошел за Анкой. Антон плелся следом и старался подавить в себе сомнения.

А что я, собственно, сделал, вяло думал он. Чего они надулись? Ну Пашка ладно, он испугался. Только еще неизвестно, кто больше трусил – Вильгельм-папа или Телль-сын. Но Анка-то чего? Надо думать, перепугалась за Пашку. А что мне было делать? Вот тащусь за ними, как родственник. Взять и уйти. Поверну сейчас налево, там хорошее болото. Может, сову поймаю. Но он даже не замедлил шага. Это значит навсегда, подумал он. Он читал, что так бывает очень часто.

Они вышли на заброшенную дорогу даже раньше, чем думали. Солнце стояло высоко, было жарко. За шиворотом кололись хвойные иголки. Дорога была бетонная, из двух рядов серо-рыжих растрескавшихся плит. В стыках между плитами росла густая сухая трава. На обочинах было полно пыльного репейника. Над дорогой с гудением пролетали бронзовки, и одна нахально стукнула Антона прямо в лоб. Было тихо и томно.

– Глядите! – сказал Пашка.

Над серединой дороги на ржавой проволоке, протянутой поперек, висел круглый жестяной диск, покрытый облупившейся краской. Судя по всему, там был изображен желтый прямоугольник на красном фоне.

– Что это? – без особого интереса спросила Анка.

– Автомобильный знак, – сказал Пашка. – «Въезд запрещен».

– «Кирпич», – пояснил Антон.

– А зачем он? – спросила Анка.

– Значит, вон туда ехать нельзя, – сказал Пашка.

– А зачем тогда дорога?

Пашка пожал плечами.

– Это же очень старое шоссе, – сказал он.

– Анизотропное шоссе, – заявил Антон. Анка стояла к нему спиной. – Движение только в одну сторону.

– Мудры были предки, – задумчиво сказал Пашка. – Этак едешь-едешь километров двести, вдруг – хлоп! – «кирпич». И ехать дальше нельзя, и спросить не у кого.

– Представляешь, что там может быть за этим знаком! – сказала Анка. Она огляделась. Кругом на много километров был безлюдный лес, и не у кого было спросить, что там может быть за этим знаком. – А вдруг это вовсе и не «кирпич»? – сказала она. – Краска-то вся облупилась...

Тогда Антон тщательно прицелился и выстрелил. Было бы здорово, если бы стрела перебила проволоку и знак упал бы прямо к ногам Анки. Но стрела попала в верхнюю часть знака, пробила ржавую жечь, и вниз посыпалась только высохшая краска.

– Дурак, – сказала Анка, не оборачиваясь.

Это было первое слово, с которым она обратилась к Антону после игры в Вильгельма Телля. Антон криво улыбнулся.

– «And enterprises of great pitch and moment, – произнес он, – with this regard their current turn away and loose the name of action»^[1].

Верный Пашка закричал:

– Ребята, здесь прошла машина! Уже после грозы! Вон трава примята! И вот...

Везет Пашке, подумал Антон. Он стал разглядывать следы на дороге и тоже увидел примятую траву и черную полосу от протекторов в том месте, где автомобиль затормозил перед выбоиной в бетоне.

– Ага! – сказал Пашка. – Он выскочил из-под знака!

Это было ясно каждому, но Антон возразил:

– Ничего подобного, он ехал с той стороны.

Пашка поднял на него изумленные глаза.

– Ты что, ослеп?

– Он ехал с той стороны, – упрямо повторил Антон. – Пошли по следу.

– Ерунду ты городишь! – возмутился Пашка. – Во-первых, никакой порядочный водитель не поедет под «кирпич». Во-вторых, смотри: вот выбоина, вот тормозной след... Так откуда он ехал?

– Что мне твои порядочные! Я сам непорядочный, и я пойду под знак.

Пашка взбеленился.

– Иди куда хочешь! – сказал он, слегка заикаясь. – Недоумок. Совсем обалдел от жары!

Антон повернулся и, глядя прямо перед собой, пошел под знак. Ему хотелось только одного: чтобы впереди оказался какой-нибудь взорванный мост и чтобы нужно было прорваться на ту сторону. Какое мне дело до этого порядочного! – думал он. Пусть идут, куда хотят... со своим Пашенькой. Он вспомнил, как Анка срезала Павла, когда тот назвал ее Анечкой, и ему стало немного легче. Он оглянулся.

Пашку он увидел сразу: Бон Саранча, согнувшись в три погибели, шел по следу таинственной машины. Ржавый диск над дорогой тихонько покачивался, и сквозь дырку мелькало синее небо. А на обочине сидела Анка, оперев локти в голые колени и положив подбородок на сжатые кулаки.

...Они возвращались уже в сумерках. Ребята гребли, а Анка сидела на руле. Над черным лесом поднималась красная луна, неистово вопили лягушки.

– Так здорово все было задумано, – сказала Анка грустно. – Эх, вы!..

Ребята промолчали. Затем Пашка вполголоса спросил:

– Тошка, что там было, под знаком?

– Взорванный мост, – ответил Антон. – И скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету. – Он подумал и добавил: – Пулемет весь врос в землю...

– Н-да, – сказал Пашка. – Бывает. А я там одному машину помог починить.

Глава 1

Когда Румата миновал могилу святого Мики – седьмую по счету и последнюю на этой дороге, было уже совсем темно. Хваленый хамахарский жеребец, взятый у дона Тамэо за карточный долг, оказался сущим барахлом. Он вспотел, сбил ноги и двигался скверной, вихляющейся рысью. Румата сжимал ему коленями бока, хлестал между ушами перчаткой, но он только уныло мотал головой, не ускоряя шага. Вдоль дороги тянулись кусты, похожие в сумраке на клубы застывшего дыма. Нестерпимо звенели комары. В мутном небе дрожали редкие тусклые звезды. Дул порывами несильный ветер, теплый и холодный одновременно, как всегда осенью в этой приморской стране с душными, пыльными днями и зябкими вечерами.

Румата плотнее закутался в плащ и бросил поводья. Торопиться не имело смысла. До полуночи оставался час, а Икающий лес уже выступил над горизонтом черной зубчатой кромкой. По сторонам тянулись распаханное поле, мерцали под звездами болота, воняющие неживой ржавчиной, темнели курганы и сгнившие частоколы времен Вторжения. Далеко слева вспыхивало и гасло угрюмое зарево: должно быть, горела деревушка, одна из бесчисленных однообразных Мертвожорок, Висельников, Ограбиловок, недавно переименованных по августейшему указу в Желанные, Благодатные и Ангельские. На сотни миль – от берегов Пролива и до сайвы Икающего леса – простиралась эта страна, накрытая одеялом комариных туч, раздираемая оврагами, затопляемая болотами, пораженная лихорадками, морами и зловонным насморком.

У поворота дороги от кустов отделилась темная фигура. Жеребец шарахнулся, задирая голову. Румата подхватил поводья, привычно подпернул на правой руке кружева и положил ладонь на рукоять меча, всматриваясь. Человек у дороги снял шляпу.

– Добрый вечер, благородный дон, – тихо сказал он. – Прошу извинения.

– В чем дело? – осведомился Румата, прислушиваясь.

Бесшумных засад не бывает. Разбойников выдает скрип тетивы, серые штурмовички неудержимо рыгают от скверного пива, баронские дружинники алчно сопят и гремят железом, а монахи – охотники за рабами – шумно чешутся. Но в кустах было тихо. Видимо, этот человек не был наводчиком. Да он и не был похож на наводчика – маленький плотный горожанин в небогатом плаще.

– Разрешите мне бежать рядом с вами? – сказал он, кланяясь.

– Изволь, – сказал Румата, шевельнув поводьями. – Можешь взяться за стремя.

Горожанин пошел рядом. Он держал шляпу в руке, и на его темени светлела изрядная лысина. Приказчик, подумал Румата. Ходит по баронам и прасолам, скупает лен или пеньку. Смелый приказчик, однако... А может быть, и не приказчик. Может быть, книгочей. Беглец. Изгой. Сейчас их много на ночных дорогах, больше, чем приказчиков... А может быть, шпион.

– Кто ты такой и откуда? – спросил Румата.

– Меня зовут Киун, – печально сказал горожанин. – Я иду из Арканара.

– Бежишь из Арканара, – сказал Румата, наклонившись.

– Бегу, – печально согласился горожанин.

Чудак какой-то, подумал Румата. Или все-таки шпион? Надо проверить... А почему, собственно, надо? Кому надо? Кто я такой, чтобы его проверять? Да не желаю я его проверять! Почему бы мне просто не поверить? Вот идет горожанин, явный книгочей, бежит, спасая жизнь... Ему одиноко, ему страшно, он слаб, он ищет защиты... Встретился ему аристократ. Аристократы по глупости и из спеси в политике не разбираются, а мечи у них длинные, и серых они не любят. Почему бы горожанину Киуну не найти бескорыстную защиту у глупого и спесивого аристократа? И все.

Не буду я его проверять. Незачем мне его проверять. Поговорим, скоротаем время, расстанемся друзьями...

– Киун... – произнес он. – Я знал одного Киуна. Продавец снадобий и алхимик с Жестяной улицы. Ты его родственник?

– Увы, да, – сказал Киун. – Правда, дальний родственник, но им все равно... до двенадцатого потомка.

– И куда же ты бежишь, Киун?

– Куда-нибудь... Подальше. Многие бегут в Ирукан. Попробую и я в Ирукан.

– Так-так, – произнес Румата. – И ты вообразил, что благородный дон проведет тебя через заставу?

Киун промолчал.

– Или, может быть, ты думаешь, что благородный дон не знает, кто такой алхимик Киун с Жестяной улицы?

Киун молчал. Что-то я не то говорю, подумал Румата. Он привстал на стременах и прокричал, подражая глашатаю на Королевской площади:

– Обвиняется и повинен в ужасных, непрощаемых преступлениях против бога, короны и спокойствия!

Киун молчал.

– А если благородный дон безумно обожает дона Рэбу? Если он всем сердцем предан серому слову и серому делу? Или ты считаешь, что это невозможно?

Киун молчал. Из темноты справа от дороги выдвинулась ломаная тень виселицы. Под перекладиной белело голое тело, подвешенное за ноги. Э-э, все равно ничего не выходит, подумал Румата. Он натянул повод, схватил Киуна за плечо и повернул лицом к себе.

– А если благородный дон вот прямо сейчас подвесит тебя рядом с этим бродягой? – сказал он, взглядываясь в белое лицо с темными ямами глаз. – Сам. Скоро и проворно. На крепкой арканарской веревке. Во имя идеалов. Что же ты молчишь, грамотей Киун?

Киун молчал. У него стучали зубы, и он слабо корчился под рукой Руматы, как придавленная ящерица. Вдруг что-то с плеском упало

в придорожную канаву, и сейчас же, словно для того, чтобы заглушить этот плеск, он отчаянно крикнул:

– Ну, вешай! Вешай, предатель!

Румата перевел дыхание и отпустил Киуна.

– Я пошутил, – сказал он. – Не бойся.

– Ложь, ложь... – всхлипывая, бормотал Киун. – Всюду ложь!..

– Ладно, не сердись, – сказал Румата. – Лучше подбери, что ты там бросил, – промокнет...

Киун постоял, качаясь и всхлипывая, бесцельно похлопал ладонями по плащу и полез в канаву. Румата ждал, устало сгорбившись в седле. Значит, так и надо, думал он, значит, иначе просто нельзя... Киун вылез из канавы, пряча за пазуху сверток.

– Книги, конечно, – сказал Румата.

Киун помотал головой.

– Нет, – сказал он хрипло. – Всего одна книга. Моя книга.

– О чем же ты пишешь?

– Боюсь, вам это будет неинтересно, благородный дон.

Румата вздохнул.

– Берись за стремя, – сказал он. – Пойдем.

Долгое время они молчали.

– Послушай, Киун, – сказал Румата. – Я пошутил. Не бойся меня.

– Славный мир, – проговорил Киун. – Веселый мир. Все шутят.

И все шутят одинаково. Даже благородный Румата.

Румата удивился.

– Ты знаешь мое имя?

– Знаю, – сказал Киун. – Я узнал вас по обручу на лбу. Я так обрадовался, встретив вас на дороге...

Ну, конечно, вот что он имел в виду, когда назвал меня предателем, подумал Румата. Он сказал:

– Видишь ли, я думал, что ты шпион. Я всегда убиваю шпионов.

– Шпион... – повторил Киун. – Да, конечно. В наше время так легко и сытно быть шпионом. Орел наш, благородный дон Рэба, озабочен знать, что говорят и думают подданные короля. Хотел бы я быть

шпионом. Рядовым осведомителем в таверне «Серая Радость». Как хорошо, как почтенно! В шесть часов вечера я вхожу в распивочную и сажусь за свой столик. Хозяин спешит ко мне с моей первой кружкой. Пить я могу сколько влезет, за пиво платит дон Рэба – вернее, никто не платит. Я сижу, попиваю пиво и слушаю. Иногда я делаю вид, что записываю разговоры, и перепуганные людишки устремляются ко мне с предложениями дружбы и кошелька. В глазах у них я вижу только то, что мне хочется: собачью преданность, почтительный страх и восхитительную бессильную ненависть. Я могу безнаказанно трогать девушек и тискать жен на глазах у мужей, здоровенных дядек, и они будут только подобострастно хихикать... Какое прекрасное рассуждение, благородный дон, не правда ли? Я услышал его от пятнадцатилетнего мальчишки, студента Патриотической школы...

– И что же ты ему сказал? – с любопытством спросил Румата.

– А что я мог сказать? Он бы не понял. И я рассказал ему, что люди Ваги Колеса, изловив осведомителя, вспарывают ему живот и засыпают во внутренности перец... А пьяные солдаты засовывают осведомителя в мешок и топят в нужнике. И это истинная правда, но он не поверил. Он сказал, что в школе они это не проходили. Тогда я достал бумагу и записал наш разговор. Это нужно было мне для моей книги, а он, бедняга, решил, что для доноса, и обмочился от страха...

Впереди сквозь кустарник мелькнули огоньки корчмы Скелета Бако. Киун споткнулся и замолчал.

– Что случилось? – спросил Румата.

– Там серый патруль, – пробормотал Киун.

– Ну и что? – сказал Румата. – Послушай лучше еще одно рассуждение, почтенный Киун. Мы любим и ценим этих простых, грубых ребят, нашу серую боевую скотину. Они нам нужны. Отныне простолюдин должен держать язык за зубами, если не хочет вывешивать его на виселице! – Он захохотал, потому что сказано было отменно – в лучших традициях серых казарм.

Киун съежился и втянул голову в плечи.

– Язык простолюдина должен знать свое место. Бог дал простолюдину язык вовсе не для разглагольствований, а для лизания сапог своего господина, каковой господин положен простолюдину от века...

У коновязи перед корчмой топтались оседланные кони серого патруля. Из открытого окна доносилась азартная хрипая брань. Стучали игральные кости. В дверях, загораживая проход чудовищным брюхом, стоял сам Скелет Бако в драной кожаной куртке с засученными рукавами. В мохнатой лапе он держал тесак – видно, только что рубил собачину для похлебки, вспотел и вышел отдышаться. На ступеньках сидел, пригорюнясь, серый штурмовик, поставив боевой топор между коленей. Рукоять топора стянула ему физиономию набок. Было видно, что ему томно с перепоя. Заметив всадника, он подобрал слюни и сипло взревел:

– С-стой! Как тебя там... Ты, бла-ародный!..

Румата, выпятив подбородок, проехал мимо, даже не покосившись.

– ...А если язык простолюдина лижет не тот сапог, – громко говорил он, – то язык этот надлежит удалить напрочь, ибо сказано: «Язык твой – враг мой»...

Киун, прячась за круп лошади, широко шагал рядом. Краем глаза Румата видел, как блестит от пота его лысина.

– Стой, говорят! – заорал штурмовик.

Было слышно, как он, гремя топором, катится по ступеням, поминая разом бога, черта и всякую благородную сволочь.

Человек пять, подумал Румата, поддергивая манжеты. Пьяные мясники. Вздор.

Они миновали корчму и свернули к лесу.

– Я мог бы идти быстрее, если надо, – сказал Киун неестественно твердым голосом.

– Вздор! – сказал Румата, осаживая жеребца. – Было бы скучно проехать столько миль и ни разу не подраться. Неужели тебе

никогда не хочется подраться, Киун? Все разговоры, разговоры...

– Нет, – сказал Киун. – Мне никогда не хочется драться.

– В том-то и беда, – пробормотал Румата, поворачивая жеребца и неторопливо натягивая перчатки.

Из-за поворота выскочили два всадника и, увидев его, разом остановились.

– Эй ты, благородный дон! – закричал один. – А ну, предъяви подорожную!

– Хамье! – стеклянным голосом произнес Румата. – Вы же неграмотны, зачем вам подорожная?

Он толкнул жеребца коленом и рысью двинулся навстречу штурмовикам. Трусят, подумал он. Мнутся... Ну хоть пару оплеух! Нет... Ничего не выйдет. Так хочется разрядить ненависть, накопившуюся за сутки, и, кажется, ничего не выйдет. Останемся гуманными, всех простим и будем спокойны, как боги. Пусть они режут и оскверняют, мы будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность...

Он подъехал вплотную. Штурмовики неуверенно подняли топоры и попятились.

– Н-ну? – сказал Румата.

– Так это, значит, что? – растерянно сказал первый штурмовик. – Так это, значит, благородный дон Румата?

Второй штурмовик сейчас же повернул коня и галопом умчался прочь. Первый все пятился, опустив топор.

– Прощенья просим, благородный дон, – скороговоркой говорил он. – Обознались. Ошибочка произошла. Дело государственное, ошибки всегда возможны. Ребята малость подпили, горят рвением... – Он стал отъезжать боком. – Сами понимаете, время тяжелое... Ловим беглых грамотеев. Нежелательно бы нам, чтобы жалобы у вас были, благородный дон...

Румата повернулся к нему спиной.

– Благородному дону счастливого пути! – с облегчением сказал вслед штурмовик.

Когда он уехал, Румата негромко позвал:

– Киун!

Никто не отозвался.

– Эй, Киун!

И опять никто не отозвался. Прислушавшись, Румата различил сквозь комариный звон шорох кустов. Киун торопливо пробирался через поле на запад, туда, где в двадцати милях проходила ируканская граница. Вот и все, подумал Румата. Вот и весь разговор. Всегда одно и то же. Проверка, настороженный обмен двусмысленными притчами... Целыми неделями тратишь душу на пошлую болтовню со всяким отребьем, а когда встречаешь настоящего человека, поговорить нет времени. Нужно прикрыть, спасти, отправить в безопасное место, и он уходит, так и не поняв, имел ли дело с другом или с капризным выродком. Да и сам ты ничего не узнаешь о нем. Чего он хочет, что может, зачем живет...

Он вспомнил вечерний Арканар. Добротные каменные дома на главных улицах, приветливый фонарик над входом в таверну, благодущные, сытые лавочники пьют пиво за чистыми столами и рассуждают о том, что мир совсем не плох, цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книгочеев сажают на кол, король, по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку. «Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..», «От грамоты, от грамоты все идет, братья! Не в деньгах, мол, счастье, мужик, мол, тоже человек, дальше – больше, оскорбительные стишки, а там и бунт...», «Всех их на кол, братья!.. Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много знаешь!», «Бина, пышка, еще три кружечки и порцию тушеного кролика!» А по булыжной мостовой – грррум, грррум, грррум – стучат коваными сапогами коренастые красномордые парни в серых рубахах, с тяжелыми топорами на правом плече. «Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть!

А мой-то, мой-то... На правом фланге! Вчера еще его порол! Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость. Ура, серые роты! Ура, дон Рэба! Слава королю нашему! Эх, братья, жизнь-то какая пошла чудесная!..»

А по темной равнине королевства Арканарского, озаряемой заревами пожаров и искрами лучин, по дорогам и тропкам, изъеденные комарами, со сбитыми в кровь ногами, покрытые потом и пылью, измученные, перепуганные, убитые отчаянием, но твердые как сталь в своем единственном убеждении, бегут, идут, бредут, обходя заставы, сотни несчастных, объявленных вне закона за то, что они умеют и хотят лечить и учить свой изнуренный болезнями и погрязший в невежестве народ; за то, что они, подобно богам, создают из глины и камня вторую природу для украшения жизни не знающего красоты народа; за то, что они проникают в тайны природы, надеясь поставить эти тайны на службу своему неумелому, запуганному старинной чертовщиной народу... Беззащитные, добрые, непрактичные, далеко обогнавшие свой век...

Румата стянул перчатку и с размаху треснул ею жеребца между ушами.

– Ну, мертвая! – сказал он по-русски.

Была уже полночь, когда он въехал в лес.

Теперь никто не может точно сказать, откуда взялось это странное название – Икающий лес. Существовало официальное предание о том, что триста лет назад железные роты имперского маршала Тоца, впоследствии первого Арканарского короля, прорубались через сайву, преследуя отступающие орды меднокожих варваров, и здесь на привалах варили из коры белых деревьев брагу, вызывающую неудержимую икоту. Согласно преданию, маршал Тоц, обходя однажды утром лагерь, произнес, морща аристократический нос: «Поистине, это невыносимо! Весь лес икает и провонял брагой!» Отсюда якобы и пошло странное название.

Так или иначе, это был не совсем обыкновенный лес. В нем росли огромные деревья с твердыми белыми стволами, каких не сохранилось нигде больше в Империи – ни в герцогстве Ируканском, ни тем более в торговой республике Соан, давно уже пустившей все свои леса на корабли. Рассказывали, что таких лесов много за Красным Северным хребтом в стране варваров, но мало ли что рассказывают про страну варваров...

Через лес проходила дорога, прорубленная века два назад. Дорога эта вела к серебряным рудникам и по ленному праву принадлежала баронам Пампа, потомкам одного из сподвижников маршала Тоца. Ленное право баронов Пампа обходилось Арканарским королям в двенадцать пудов чистого серебра ежегодно, поэтому каждый очередной король, вступив на престол, собирал армию и шел воевать замок Бау, где гнездились бароны. Стены замка были крепки, бароны отважны, каждый поход обходился в тридцать пудов серебра, и после возвращения разбитой армии короли Арканарские вновь и вновь подтверждали ленное право баронов Пампа наряду с другими привилегиями, как-то: ковырять в носу за королевским столом, охотиться к западу от Арканара и называть принцев прямо по имени, без присовокупления титулов и званий.

Икающий лес был полон темных тайн. Днем по дороге на юг тянулись обозы с обогащенной рудой, а ночью дорога была пуста, потому что мало находилось смельчаков ходить по ней при свете звезд. Говорили, что по ночам с Отца-дерева кричит птица Сиу, которую никто не видел и которую видеть нельзя, поскольку это не простая птица. Говорили, что большие мохнатые пауки прыгают с ветвей на шеи лошадям и мигом прогрызают жилы, захлебываясь кровью. Говорили, что по лесу бродит огромный древний зверь Пэх, который покрыт чешуей, дает потомство раз в двенадцать лет и волочит за собой двенадцать хвостов, потеющих ядовитым потом. А кое-кто видел, как среди бела дня дорогу пересекал, бормоча свои

жалобы, голый вепрь Ы, проклятый святым Микой, – свирепое животное, неуязвимое для железа, но легко пробиваемое костью.

Здесь можно было встретить и беглого раба со смоляным клеймом между лопаток – молчаливого и беспощадного, как мохнатый паук-кровосос. И скрюченного в три погибели колдуна, собирающего тайные грибы для своих колдовских настоев, при помощи которых можно стать невидимым, превращаться в некоторых животных или приобрести вторую тень. Хаживали вдоль дороги и ночные молодцы грозного Ваги Колеса, и беглецы с серебряных рудников с черными ладонями и белыми, прозрачными лицами. Знахари собирались здесь для своих ночных бдений, а разухабистые егеря барона Пампы жарили на редких полянах ворованных быков, целиком насаженных на вертел.

Едва ли не в самой чаще леса, в миле от дороги, под громадным деревом, засохшим от старости, выросла в землю покосившаяся изба из громадных бревен, окруженная почерневшим частоколом. Стояла она здесь с незапамятных времен, дверь ее была всегда закрыта, а у сгнившего крыльца торчали покосившиеся идолы, вырезанные из цельных стволов. Эта изба была самое что ни на есть опасное место в Икающем лесу. Говорили, что именно сюда приходит раз в двенадцать лет древний Пэх, чтобы родить потомка, и тут же, заползши под избу, издыхает, так что весь подпол в избе залит черным ядом, а когда яд потечет наружу – вот тут-то и будет всему конец. Говорили, что в ненастные ночи идолы сами собой выкапываются из земли, выходят к дороге и подают знаки. И говорили еще, что изредка в мертвых окнах загорается нелюдской свет, раздаются звуки, и дым из трубы идет столбом до самого неба.

Не так давно непьющий деревенский дурачок Ирма Кукиш с хутора Благорастворение (по-простому – Смердуны) сдуру забрел вечером к избе и заглянул в окно. Домой он вернулся совсем уже глупым, а оклемавшись немного, рассказал, что в избе был яркий свет и за простым столом сидел с ногами на скамье человек и отхлебывал из бочки, которую держал одной рукой. Лицо человека

свисало чуть не до пояса и все было в пятнах. Был это, ясно, сам святой Мика еще до приобщения к вере, многоженец, пьяница и сквернослов. Глядеть на него можно было, только побарывая страх. Из окошка тянуло сладким тоскливым запахом, и по деревьям вокруг ходили тени. Рассказ дурачка сходились слушать со всей округи. А кончилось дело тем, что приехали штурмовики и, загнув ему локти к лопаткам, угнали в город Арканар. Говорить об избе все равно не перестали и называли ее теперь не иначе, как Пьяной Берлогой...

Продравшись через заросли гигантского папоротника, Румата спешился у крыльца Пьяной Берлоги и обмотал повод вокруг одного из идолов. В избе горел свет, дверь была раскрыта и висела на одной петле. Отец Кабани сидел за столом в полной прострации. В комнате стоял могучий спиртной дух, на столе среди обглоданных костей и кусков вареной брюквы возвышалась огромная глиняная кружка.

– Добрый вечер, отец Кабани, – сказал Румата, перешагивая через порог.

– Я вас приветствую, – отозвался отец Кабани хриплым, как боевой рог, голосом.

Румата, звеня шпорами, подошел к столу, бросил на скамью перчатки и снова посмотрел на отца Кабани. Отец Кабани сидел неподвижно, положив обвисшее лицо на ладони. Мохнатые полуседые брови его свисали над щеками, как сухая трава над обрывом. Из ноздрей крупнопористого носа при каждом выдохе со свистом вылетал воздух, пропитанный неусвоенным алкоголем.

– Я сам выдумал его! – сказал он вдруг, с усилием задрал правую бровь и поведя на Румату заплывшим глазом. – Сам! Зачем?.. – Он высвободил из-под щеки правую руку и помотал волосатым пальцем. – А все-таки я ни при чем!.. Я его выдумал... и я же ни при чем, а?! Точно – ни при чем... И вообще мы не выдумываем, а черт знает что!..

Румата расстегнул пояс и потащил через голову перевязи с мечами.

– Ну, ну! – сказал он.

– Ящик! – рявкнул отец Кабани и надолго замолчал, делая странные движения щеками.

Румата, не спуская с него глаз, перенес через скамью ноги в покрытых пылью ботфортах и уселся, положив мечи рядом.

– Ящик... – повторил отец Кабани упавшим голосом. – Это мы говорим, будто мы выдумываем. На самом деле все давным-давно выдуманно. Кто-то давным-давно все выдумал, сложил все в ящик, провертел в крышке дыру и ушел... Ушел спать... Тогда что? Приходит отец Кабани, закрывает глаза, с-сует руку в дыру. – Отец Кабани посмотрел на свою руку. – Х-хватать! Выдумал! Я, говорит, это вот самое и выдумывал!.. А кто не верит, тот дурак... Сую руку – р-раз! Что? Проволока с колючками. Зачем? Скотный двор от волков... Молодец! Сую руку – дв-ва! Что? Умнейшая штука – мясокрутка называемая. Зачем? Нежный мясной фарш... Молодец! Сую руку – три! Что? Г-горючая вода... Зачем? С-сырые дрова разжигать... А?!

Отец Кабани замолк и стал клониться вперед, словно кто-то пригибал его, взяв за шею. Румата взял кружку, заглянул в нее, потом вылил несколько капель на тыльную сторону ладони. Капли были сиреневые и пахли сивушными маслами. Румата кружевным платком тщательно вытер руку. На платке остались маслянистые пятна. Нечесаная голова отца Кабани коснулась стола и тотчас вздернулась.

– Кто сложил все в ящик – он знал, для чего это выдуманно... Колючки от волков?! Это я, дурак, – от волков... Рудники, рудники оплетать этими колючками... Чтобы не бегали с рудников государственные преступники. А я не хочу!.. Я сам государственный преступник! А меня спросили? Спросили! Колючка, грят? Колючка. От волков, грят? От волков... Хорошо, грят, молодец! Оплетем рудники... Сам дон Рэба и оплел. И мясокрутку мою забрал.

Молодец, грит! Голова, грит, у тебя!.. И теперь, значит, в Веселой Башне нежный фарш делает... Очень, говорят, способствует...

Знаю, думал Румата. Все знаю. И как кричал ты у дона Рэбы в кабинете, как в ногах у него ползал, молил: «Отдай, не надо!» Поздно было. Завертелась твоя мясокрутка...

Отец Кабани схватил кружку и приник к ней волосатой пастью. Глотая ядовитую смесь, он рычал, как вепрь Ы, потом сунул кружку на стол и принялся жевать кусок брюквы. По щекам его ползли слезы.

– Горючая вода! – провозгласил он, наконец, перехваченным голосом. – Для растопки костров и произведения веселых фокусов. Какая же она горючая, если ее можно пить? Ее в пиво подмешивать – цены пиву не будет! Не дам! Сам выпью... И пью. День пью. Ночь. Опух весь. Падаю все время. Давеча, дон Румата, не поверишь, к зеркалу подошел – испугался... Смотрю – помоги господи! – где же отец Кабани?! Морской зверь спрут – весь цветными пятнами иду. То красный. То синий. Выдумал, называется, воду для фокусов...

Отец Кабани сплюнул на стол и пошаркал ногой под лавкой, растирая. Затем вдруг спросил:

– Какой нынче день?

– Канун Каты Праведного, – сказал Румата.

– А почему нет солнца?

– Потому что ночь.

– Опять ночь... – с тоской сказал отец Кабани и упал лицом в объедки.

Некоторое время Румата, посвистывая сквозь зубы, смотрел на него. Потом выбрался из-за стола и прошел в кладовку. В кладовке между кучей брюквы и кучей опилок поблескивал стеклянными трубками громоздкий спиртогонный агрегат отца Кабани – удивительное творение прирожденного инженера, инстинктивного химика и мастера-стеклодува. Румата дважды обошел «адскую машину» кругом, затем нашарил в темноте лом

и несколько раз наотмашь ударил, никуда специально не целясь. В кладовке залязгало, задребезжало, забулькало. Гнусный запах перекисшей барды ударил в нос.

Хрустя каблуками по битому стеклу, Румата пробрался в дальний угол и включил электрический фонарик. Там под грудой хлама стоял в прочном силикетовом сейфе малогабаритный полевой синтезатор «Мидас». Румата разбросал хлам, набрал на диске комбинацию цифр и поднял крышку сейфа. Даже в белом электрическом свете синтезатор выглядел странно среди развороченного мусора. Румата бросил в приемную воронку несколько лопат опилок, и синтезатор тихонько запел, автоматически включив индикаторную панель. Румата носком ботфорта придвинул к выходному желобу ржавое ведро. И сейчас же – дзинь, дзинь, дзинь! – посыпались на мятое жестяное дно золотые кружочки с аристократическим профилем Пица Шестого, короля Арканарского.

Румата перенес отца Кабани на скрипучие нары, стянул с него башмаки, повернул на правый бок и накрыл облысевшей шкурой какого-то давно вымершего животного. При этом отец Кабани на минуту проснулся. Двигаться он не мог, соображать тоже. Он ограничился тем, что пропел несколько стихов из запрещенного к распеванию светского романса «Я как цветочек аленький в твоей ладошке маленькой», после чего гулко захрапел.

Румата убрал со стола, подмел пол и протер стекло единственного окна, почерневшее от грязи и химических экспериментов, которые отец Кабани производил на подоконнике. За облупленной печкой он нашел бочку со спиртом и опорожнил ее в крысиную дыру. Затем он напоил хамахарского жеребца, засыпал ему овса из седельной сумки, умылся и сел ждать, глядя на коптящий огонек масляной лампы. Шестой год он жил этой странной, двойной жизнью и, казалось бы, совсем привык к ней, но время от времени, как, например, сейчас, ему вдруг приходило в голову, что нет на самом деле никакого организованного зверства и напиряющей серости, а разыгрывается причудливое театральное представление с ним,

Руматой, в главной роли. Что вот-вот после особенно удачной его реплики грянут аплодисменты и ценители из Института экспериментальной истории восхищенно закричат из лож: «Адекватно, Антон! Адекватно! Молодец, Тошка!» Он даже огляделся, но не было переполненного зала, были только почерневшие, замшелые стены из голых бревен, заляпанные наслоениями копоти.

Во дворе тихонько ржанул и переступил копытами хамахарский жеребец. Послышалось низкое ровное гудение, до слез знакомое и совершенно здесь невероятное. Румата вслушивался, приоткрыв рот. Гудение оборвалось, язычок пламени над светильником заколебался и вспыхнул ярче. Румата стал подниматься, и в ту же минуту из ночной темноты в комнату шагнул дон Кондор, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной.

Румата вскочил, едва не опрокинув скамью. Он готов был броситься, обнять, расцеловать его в обе щеки, но ноги, следуя этикету, сами собой согнулись в коленях, шпоры торжественно звякнули, правая рука описала широкий полукруг от сердца и в сторону, а голова нагнулась так, что подбородок утонул в пенно-кружевных брыжах. Дон Кондор сорвал бархатный берет с простым дорожным пером, торопливо, как бы отгоняя комаров, махнул им в сторону Руматы, а затем, швырнув берет на стол, обеими руками расстегнул у шеи застежки плаща. Плащ еще медленно падал у него за спиной, а он уже сидел на скамье, раздвинув ноги, уперев левую руку в бок, а отставленной правой держась за эфес золоченого меча, вонзенного в гнилые доски пола. Был он маленький, худой, с большими выпуклыми глазами на узком бледном лице. Его черные волосы были схвачены таким же, как у Руматы, массивным золотым обручем с большим зеленым камнем над переносицей.

– Вы один, дон Румата? – спросил он отрывисто.

– Да, благородный дон, – грустно ответил Румата.

Отец Кабани вдруг громко и трезво сказал: «Благородный дон Рэба!.. Гиена вы, вот и все».

Дон Кондор не обернулся.

– Я прилетел, – сказал он.

– Будем надеяться, – сказал Румата, – что вас не видели.

– Легендой больше, легендой меньше, – раздраженно сказал дон Кондор. – У меня нет времени на путешествия верхом. Что случилось с Будахом? Куда он делся? Да сядьте же, дон Румата, прошу вас! У меня болит шея.

Румата послушно опустился на скамью.

– Будах исчез, – сказал он. – Я ждал его в Урочище Тяжелых Мечей. Но явился только одноглазый оборванец, назвал пароль и передал мне мешок с книгами. Я ждал еще два дня, затем связался с доном Гугом, и дон Гуг сообщил, что проводил Будаха до самой границы и что Будаха сопровождает некий благородный дон, которому можно доверять, потому что он вдребезги проигрался в карты и продался дону Гугу телом и душой. Следовательно, Будах исчез где-то здесь, в Арканаре. Вот и все, что мне известно.

– Не много же вы знаете, – сказал дон Кондор.

– Не в Будахе дело, – возразил Румата. – Если он жив, я его найду и вытащу. Это я умею. Не об этом я хотел с вами говорить. Я хочу еще и еще раз обратить ваше внимание на то, что положение в Арканаре выходит за пределы базисной теории... – На лице дон Кондора появилось кислое выражение. – Нет уж, вы меня выслушайте, – твердо сказал Румата. – Я чувствую, что по радио я с вами никогда не объяснюсь. А в Арканаре все переменялось! Возник какой-то новый, систематически действующий фактор. И выглядит это так, будто дон Рэба сознательно натравливает на ученых всю серость в королевстве. Все, что хоть немного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой. Вы слушайте, дон Кондор, это не эмоции, это факты! Если ты умен, образован, сомневаешься, говоришь непривычное – просто не пьешь вина, наконец! – ты под угрозой. Любой лавочник вправе

затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона. Их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Голых, вверх ногами... Вчера на моей улице забили сапогами старика, узнали, что он грамотный. Топтали, говорят, два часа, тупые, с потными звериными мордами... – Румата сдержался и закончил спокойно: – Одним словом, в Арканаре скоро не останется ни одного грамотного. Как в Области Святого Ордена после Барканской резни.

Дон Кондор пристально смотрел на него, поджав губы.

– Ты мне не нравишься, Антон, – сказал он по-русски.

– Мне тоже многое не нравится, Александр Васильевич, – сказал Румата. – Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие... Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская практика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает.

– Антон, – сказал дон Кондор. – Не горячись. Я верю, что положение в Арканаре совершенно исключительное, но я убежден, что у тебя нет ни одного конструктивного предложения.

– Да, – согласился Румата, – конструктивных предложений у меня нет. Но мне очень трудно держать себя в руках.

– Антон, – сказал дон Кондор. – Нас здесь двести пятьдесят на всей планете. Все держат себя в руках, и всем это очень трудно. Самые опытные живут здесь уже двадцать два года. Они прилетели сюда всего-навсего как наблюдатели. Им было запрещено вообще что бы то ни было предпринимать. Представь себе это на минуту: запрещено вообще. Они бы не имели права даже спасти Будаха. Даже если бы Будаха топтали ногами у них на глазах.

– Не надо говорить со мной, как с ребенком, – сказал Румата.

– Вы нетерпеливы, как ребенок, – объявил дон Кондор. – А надо быть очень терпеливым.

Румата горестно усмехнулся.

– А пока мы будем выжидать, – сказал он, – примериваться да нацеливаться, звери ежедневно, ежеминутно будут уничтожать людей.

– Антон, – сказал дон Кондор. – Во Вселенной тысячи планет, куда мы еще не пришли и где история идет своим чередом.

– Но сюда-то мы уже пришли!

– Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов, ты действительно не ребенок и знал, что здесь увидишь.

Румата молчал. Дон Кондор, какой-то обмякший и сразу постаревший, волоча меч за эфес, как палку, прошелся вдоль стола, печально кивая носом.

– Все понимаю, – сказал он. – Я же все это пережил. Было время – это чувство бессилия и собственной подлости казалось мне самым страшным. Некоторые, послабее, сходили от этого с ума, их отправляли на Землю и теперь лечат. Пятнадцать лет понадобилось мне, голубчик, чтобы понять, что же самое страшное. Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться. Мы здесь боги, Антон, и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию. А ведь ходим по краешку трясины. Оступился – и в грязь, всю жизнь не отмоешься. Горан Ируканский в «Истории Пришествия» писал: «Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот, ноги его были в грязи».

– За что Горана и сожгли, – мрачно сказал Румата.

– Да, сожгли. А сказано это про нас. Я здесь пятнадцать лет. Я, голубчик, уж и сны про Землю видеть перестал. Как-то, роюсь в бумагах, нашел фотографию одной женщины и долго не мог сообразить, кто же она такая. Иногда я вдруг со страхом осознаю, что я уже давно не сотрудник Института, я экспонат музея этого Института, генеральный судья торговой феодальной республики,

и есть в музее зал, куда меня следует поместить. Вот что самое страшное – войти в роль. В каждом из нас благородный подонки борется с коммунар. И все вокруг помогает подонку, а коммунар один-одинешенек – до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. – Дон Кондор помолчал, глядя колени. – Вот так-то, Антон, – сказал он твердеющим голосом. – Останемся коммунарами.

Он не понимает. Да и как ему понять? Ему повезло, он не знает, что такое серый террор, что такое дон Рэба. Все, чему он был свидетелем за пятнадцать лет работы на этой планете, так или иначе укладывается в рамки базисной теории. И когда я говорю ему о фашизме, о серых штурмовиках, об активизации мещанства, он воспринимает это как эмоциональные выражения. «Не шутите с терминологией, Антон! Терминологическая путаница влечет за собой опасные последствия». Он никак не может понять, что нормальный уровень средневекового зверства – это счастливый вчерашний день Арканара. Дон Рэба для него – это что-то вроде герцога Ришелье, умный и дальновидный политик, защищающий абсолютизм от феодальной вольницы. Один я на всей планете вижу страшную тень, наползающую на страну, но как раз я и не могу понять, чья это тень и зачем... И где уж мне убедить его, когда он вот-вот, по глазам видно, пошлет меня на Землю лечиться.

– Как поживает почтенный Синда? – спросил он.

Дон Кондор перестал сверлить его взглядом и буркнул: «Хорошо, благодарю вас». Потом он сказал:

– Нужно, наконец, твердо понять, что ни ты, ни я, никто из нас реально ощутимых плодов своей работы не увидим. Мы не физики, мы историки. У нас единица времени не секунда, а век, и дела наши – это даже не посев, мы только готовим почву для посева. А то прибывают порой с Земли... энтузиасты, черт бы их побрал... Спринтеры с коротким дыханием...

Румата криво усмехнулся и без особой надобности принялся подтягивать ботфорты. Спринтеры. Да, спринтеры были.

Десять лет назад Стефан Орловский, он же дон Капада, командир роты арбалетчиков его императорского величества, во время публичной пытки восемнадцати эсторских ведьм приказал своим солдатам открыть огонь по палачам, зарубил имперского судью и двух судебных приставов и был поднят на копья дворцовой охраной. Корчась в предсмертной муке, он кричал: «Вы же люди! Бейте их, бейте!» – но мало кто слышал его за ревом толпы: «Огня! Еще огня!..»

Примерно в то же время в другом полушарии Карл Розенблюм, один из крупнейших знатоков крестьянских войн в Германии и Франции, он же торговец шерстью Пани-Па, поднял восстание мурисских крестьян, штурмом взял два города и был убит стрелой в затылок, пытаясь прекратить грабежи. Он был еще жив, когда за ним прилетели на вертолете, но говорить не мог и только смотрел виновато и недоуменно большими голубыми глазами, из которых непрерывно текли слезы...

А незадолго до прибытия Руматы великолепно законспирированный друг-конфидент кайсанского тирана (Джеремии Тафнат, специалист по истории земельных реформ) вдруг ни с того ни с сего произвел дворцовый переворот, узурпировал власть, в течение двух месяцев пытался внедрить Золотой Век, упорно не отвечая на яростные запросы соседей и Земли, заслужил славу сумасшедшего, счастливо избежал восьми покушений, был, наконец, похищен аварийной командой сотрудников Института и на подводной лодке переправлен на островную базу у Южного полюса...

– Подумать только! – пробормотал Румата. – До сих пор вся Земля воображает, что самыми сложными проблемами занимается ноль-физика...

Дон Кондор поднял голову.

– О, наконец-то! – сказал он негромко.

Зацокали копыта, злобно и визгливо заржал хамахарский жеребец, слышалось энергичное проклятье с сильным ируканским

акцентом. В дверях появился дон Гуг, старший постельничий его светлости герцога Ируканского, толстый, румяный, с лихо вздернутыми усами, с улыбкой до ушей, с маленькими веселыми глазками под буклями каштанового парика. И снова Румата сделал движение броситься и обнять, потому что это же был Пашка, но дон Гуг вдруг подобрался, на толстощекой физиономии появилась сладкая приторность, он слегка согнулся в поясе, прижал шляпу к груди и вытянул губы дудкой. Румата вскользь поглядел на Александра Васильевича. Александр Васильевич исчез. На скамье сидел Генеральный судья и Хранитель больших печатей – раздвинув ноги, уперев левую руку в бок, а правой держась за эфес золоченого меча.

– Вы сильно опоздали, дон Гуг, – сказал он неприятным голосом.

– Тысяча извинений! – вскричал дон Гуг, плавно приближаясь к столу. – Клянусь рахитом моего герцога, совершенно непредвиденные обстоятельства! Меня четырежды останавливал патруль его величества короля Арканарского, и я дважды дрался с какими-то хамами. – Он изящно поднял левую руку, обмотанную окровавленной тряпкой. – Кстати, благородные доны, чей это вертолет позади избы?

– Это мой вертолет, – сварливо сказал дон Кондор. – У меня нет времени для драк на дорогах.

Дон Гуг приятно улыбнулся и, усевшись верхом на скамью, сказал:

– Итак, благородные доны, мы вынуждены констатировать, что высокоученый доктор Будах таинственным образом исчез где-то между ируканской границей и Урочищем Тяжелых Мечей...

Отец Кабани вдруг заворочался на своем ложе.

– Дон Рэба, – густо сказал он, не просыпаясь.

– Оставьте Будаха мне, – с отчаянием сказал Румата, – и попытайтесь все-таки меня понять...

Глава 2

Румата вздрогнул и открыл глаза. Был уже день. Под окнами на улице скандалили. Кто-то, видимо военный, орал: «М-мэр-рзавец! Ты слижешь эту грязь языком! („С добрым утром!“ – подумал Румата.) Ма-алчать!.. Клянусь спиной святого Мики, ты выведешь меня из себя!» Другой голос, грубый и хриплый, бубнил, что на этой улице надобно глядеть под ноги. «Под утро дождичек прошел, а мостили ее сами знаете когда...» – «Он мне еще указывает, куда смотреть!..» – «Вы меня лучше отпустите, благородный дон, не держите за рубаху». – «Он мне еще указывает!..» Послышался звонкий треск. Видимо, это была уже вторая пощечина – первая разбудила Румату. «Вы меня лучше не бейте, благородный дон...» – бубнили внизу.

Знакомый голос, кто бы это мог быть? Кажется, дон Тамэо. Надо будет сегодня проиграть ему хамахарскую клячу обратно. Интересно, научусь я когда-нибудь разбираться в лошадях? Правда, мы, Руматы Эсторские, спокон веков не разбираемся в лошадях. Мы знатоки боевых верблюдов. Хорошо, что в Арканаре почти нет верблюдов. Румата с хрустом потянулся, нащупал в изголовье витой шелковый шнур и несколько раз дернул. В недрах дома зазвякали колокольчики. Мальчишка, конечно, глазеет на скандал, подумал Румата. Можно было бы встать и одеться самому, но это – лишние слухи. Он прислушался к брани под окнами. До чего же могучий язык! Энтропия невероятная. Не зарубил бы его дон Тамэо... В последнее время в гвардии появились любители, которые объявили, что для благородного боя у них только один меч, а другой они употребляют специально для уличной погани – ее-де заботами дона Рэбы что-то слишком много развелось в славном Арканаре. Впрочем, дон Тамэо не из таких. Трусоват наш дон Тамэо, да и политик известный...

Мерзко, когда день начинается с дона Тамэо... Румата сел, обхватив колени под роскошным рваным одеялом. Появляется ощущение свинцовой беспросветности, хочется пригорюниться и размышлять о том, как мы слабы и ничтожны перед обстоятельствами... На Земле это нам и в голову не приходит. Там мы здоровые, уверенные ребята, прошедшие психологическое кондиционирование и готовые ко всему. У нас отличные нервы: мы умеем не отворачиваться, когда избивают и казнят. У нас неслыханная выдержка: мы способны выдерживать излияния безнадежнейших кретинов. Мы забыли брезгливость, нас устраивает посуда, которую, по обычаю, дают вылизывать собакам и затем для красоты протирают грязным подолом. Мы великие имперсонаторы, даже во сне мы не говорим на языках Земли. У нас безотказное оружие – базисная теория феодализма, разработанная в тиши кабинетов и лабораторий, на пыльных раскопах, в солидных дискуссиях...

Жаль только, что дон Рэба понятия не имеет об этой теории. Жаль только, что психологическая подготовка слезает с нас, как загар, мы бросаемся в крайности, мы вынуждены заниматься непрерывной подзарядкой: «Стисни зубы и помни, что ты замаскированный бог, что они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым...» Оказывается, что колодцы гуманизма в наших душах, казавшиеся на Земле бездонными, иссякают с пугающей быстротой. Святой Мика, мы же были настоящими гуманистами там, на Земле, гуманизм был скелетом нашей натуры, в преклонении перед Человеком, в нашей любви к Человеку мы докатывались до антропоцентризма, а здесь вдруг с ужасом ловим себя на мысли, что любили не Человека, а только коммунара, землянина, равного нам... Мы все чаще ловим себя на мысли: «Да полно, люди ли это? Неужели они способны стать людьми, хотя бы со временем?» И тогда мы вспоминаем о таких, как Кира, Будах, Арата Горбатый, о великолепном бароне Пампа,

и нам становится стыдно, а это тоже непривычно и неприятно и, что самое главное, не помогает...

Не надо об этом, подумал Румата. Только не утром. Провалился бы этот дон Тамэо!.. Накопилось в душе кислятины, и некуда ее выплеснуть в таком одиночестве. Вот именно, в одиночестве! Мы-то, здоровые, уверенные, думали ли мы, что окажемся здесь в одиночестве? Да ведь никто не поверит! Антон, дружище, что это ты? На запад от тебя, три часа лету, Александр Васильевич, добряк, умница, на востоке – Пашка, семь лет за одной партией, верный веселый друг. Ты просто раскис, Тошка. Жаль, конечно, мы думали, ты крепче, но с кем не бывает? Работа адова, понимаем. Возвращайся-ка ты на Землю, отдохни, подзаймись теорией, а там видно будет...

А Александр Васильевич, между прочим, чистой воды догматик. Раз базисная теория не предусматривает серых («Я, голубчик, за пятнадцать лет работы таких отклонений от теории что-то не замечал...»), значит, серые мне мерещатся. Раз мерещатся, значит, у меня сдали нервы и меня надо отправить на отдых. «Ну, хорошо, я обещаю, я посмотрю сам и сообщу свое мнение. Но пока, дон Румата, прошу вас, никаких эксцессов...» А Павел, друг детства, эрудит, видите ли, знаток, кладезь информации... пустился напропалую по историям двух планет и легко доказал, что серое движение есть всего-навсего заурядное выступление горожан против баронов. «Впрочем, на днях заеду к тебе, посмотрю. Честно говоря, мне как-то неловко за Будаха...» И на том спасибо! И хватит! Займусь Будахом, раз больше ни на что не способен.

Высокоученый доктор Будах. Коренной ируканец, великий медик, которому герцог Ируканский чуть было не пожаловал дворянство, но раздумал и решил посадить в башню. Крупнейший в Империи специалист по ядолечению. Автор широко известного трактата «О травах и иных злаках, таинственно могущих служить причиной скорби, радости и успокоения, а равно о слюне и соках гадов, пауков и голого вепря Ы, таковыми же и многими другими

свойствами обладающих». Человек, несомненно, замечательный и настоящий интеллигент, убежденный гуманист и бесребреник: все имущество – мешок с книгами. Так кому же ты мог понадобиться, доктор Будах, в сумеречной невежественной стране, погрязшей в кровавой трясине заговоров и корыстолюбия?

Будем полагать, что ты жив и находишься в Арканаре. Не исключено, конечно, что тебя захватили налетчики-варвары, спустившиеся с отрогов Красного Северного хребта. На этот случай дон Кондор намерен связаться с нашим другом Шуштулетидоводусом, специалистом по истории первобытных культур, который работает сейчас шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем. Если ты все-таки в Арканаре, то, прежде всего, тебя могли захватить ночные работнички Ваги Колеса. И даже не захватить, а прихватить, потому что для них главной добычей был бы твой сопровождающий, благородный проигравшийся дон. Но, так или иначе, они тебя не убьют: Вага Колесо слишком скуп для этого.

Тебя мог захватить и какой-нибудь дурак барон. Безо всякого злого умысла, просто от скуки и гипертрофированного гостеприимства. Захотелось попить с благородным собеседником, выставил на дорогу дружинников и затащил к себе в замок твоего сопровождающего. И будешь ты сидеть в вонючей людской, пока доны не упьются до обалдения и не расстанутся. В этом случае тебе тоже ничто не грозит.

Но есть еще засевшие где-то в Гниловражье остатки разбитой недавно крестьянской армии дона Кси и Пэрты Позвоночника, которых тайком подкармливает сейчас сам орел наш дон Рэба на случай весьма возможных осложнений с баронами. Вот эти пощады не знают, и о них лучше не думать. Есть еще дон Сатарина, родовитейший имперский аристократ, ста двух лет от роду, совершенно выживший из ума. Он пребывает в родовой вражде с герцогами Ируканскими и время от времени, возбуждись к активности, принимается хватать все, что пересекает ируканскую

границу. Он очень опасен, ибо под действием приступов холецистита способен издавать такие приказы, что божедомы не успевают вывозить трупы из его темниц.

И, наконец, главное. Не потому главное, что самое опасное, а потому, что наиболее вероятное. Серые патрули дона Рэбы. Штурмовики на больших дорогах. Ты мог попасть в их руки случайно, и тогда следует рассчитывать на рассудительность и хладнокровие сопровождающего. Но что, если дон Рэба заинтересован в тебе? У дона Рэбы такие неожиданные интересы... Его шпионы могли донести, что ты будешь проезжать через Арканар, тебе навстречу выслали наряд под командой старательного серого офицера, дворянского ублюдка из мелкопоместных, и ты сидишь сейчас в каменном мешке под Веселой Башней...

Румата снова нетерпеливо подергал шнур. Дверь спальни отворилась с отвратительным визгом, вошел мальчик-слуга, тощенький и угрюмый. Имя его было Уно, и его судьба могла бы послужить темой для баллады. Он поклонился у порога, шаркая разбитыми башмаками, подошел к кровати и поставил на столик поднос с письмами, кофе и комком ароматической жевательной коры для укрепления зубов и чистки оных. Румата сердито посмотрел на него.

– Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь смажешь дверь?

Мальчик промолчал, глядя в пол. Румата отбросил одеяло, спустил голые ноги с постели и потянулся к подносу.

– Мылся сегодня? – спросил он.

Мальчик переступил с ноги на ногу и, ничего не ответив, пошел по комнате, собирая разбросанную одежду.

– Я, кажется, спросил тебя, мылся ты сегодня или нет? – сказал Румата, распечатывая первое письмо.

– Водой грехов не смоешь, – проворчал мальчик. – Что я, благородный что ли, мыться?

– Я тебе про микробов что рассказывал? – сказал Румата.

Мальчик положил зеленые штаны на спинку кресла и омахнулся большим пальцем, отгоняя нечистого.

– Три раза за ночь молился, – сказал он. – Чего же еще?

– Дурачина ты, – сказал Румата и стал читать письмо.

Писала дона Окана, фрейлина, новая фаворитка дона Рэбы. Предлагала нынче же вечером навестить ее, «томящуюся нежно». В постскриптуме простыми словами было написано, чего она, собственно, ждет от этой встречи. Румата не выдержал – покраснел. Воровато оглянувшись на мальчишку, пробормотал: «Ну, в самом деле...» Об этом следовало подумать. Идти было противно, не идти было глупо – дона Окана много знала. Он залпом выпил кофе и положил в рот жевательную кору.

Следующий конверт был из плотной бумаги, сургучная печать смазана; видно было, что письмо вскрывали. Писал дон Рипат, решительный карьерист, лейтенант серой роты галантерейщиков. Справлялся о здоровье, выражал уверенность в победе серого дела и просил отсрочить должок, ссылаясь на вздорные обстоятельства. «Ладно, ладно...» – пробормотал Румата, отложил письмо, снова взял конверт и с интересом его оглядел. Да, тоньше стали работать. Заметно тоньше.

В третьем письме предлагали рубиться на мечях из-за доны Пифы, но соглашались снять предложение, если дону Румате благоугодно будет привести доказательства того, что он, благородный дон Румата, к доне Пифе касательства не имел и не имеет. Письмо было стандартным: основной текст писал каллиграф, а в оставленных промежутках были коряво, с грамматическими ошибками вписаны имена и сроки.

Румата отшвырнул письмо и почесал искусанную комарами левую руку.

– Ну, давай умываться, – приказал он.

Мальчик скрылся за дверью и скоро, пятясь задом, вернулся, волоча по полу деревянную лохань с водой. Потом сбегал еще раз за дверь и притащил пустую лохань и ковшик.

Румата спрыгнул на пол, содрал через голову ветхую, с искуснейшей ручной вышивкой ночную рубаху и с лязгом выхватил из ножен висевшие у изголовья мечи. Мальчик из осторожности встал за кресло. Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата бросил мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и приказал: «Лей!» Без мыла было плохо, но Румата уже привык. Мальчик лил ковш за ковшом на спину, на шею, на голову и ворчал: «У всех как у людей, только у нас с выдумками. Где это видано – в двух сосудах мыться. В отхожем месте горшок какой-то придумали... Полотенце им каждый день чистое... А сами, не помолившись, голый с мечами скачут...»

Растираясь полотенцем, Румата сказал наставительно:

– Я при дворе, не какой-нибудь барон вшивый. Придворный должен быть чист и благоухать.

– Только у его величества и забот, что вас нюхать, – возразил мальчик. – Все знают, его величество день и ночь молятся за нас, грешных. А вот дон Рэба и вовсе никогда не моются. Сам слышал, их лакей рассказывал.

– Ладно, не ворчи, – сказал Румата, натягивая нейлоновую майку.

Мальчик смотрел на эту майку с неодобрением. О ней давно уже ходили слухи среди арканарской прислуги. Но тут Румата ничего не мог поделать из естественной человеческой брезгливости. Когда он надевал трусы, мальчик отвернул голову и сделал губами движение, будто плевал нечистого.

Хорошо бы все-таки ввести в моду нижнее белье, подумал Румата. Однако естественным образом это можно было сделать только через женщин, а Румата и в этом отличался непозволительной для разведчика разборчивостью. Кавалеру и вертопраху, знающему столичное обращение и сосланному в провинцию за дуэль по любви, следовало иметь по крайней мере двадцать возлюбленных. Румата прилагал героические усилия, чтобы поддержать свое реноме. Половина его агентуры, вместо того чтобы заниматься делом, распространяла о нем отвратительные слухи, возбуждавшие зависть

и восхищение у арканарской гвардейской молодежи. Десятки разочарованных дам, у которых Румата специально задерживался за чтением стихов до глубокой ночи (третья стража, братский поцелуй в щечку и прыжок с балкона в объятия командира ночного обхода, знакомого офицера), наперебой рассказывали друг другу о настоящем столичном стиле кавалера из метрополии. Румата держался только на тщеславии этих глупых и до отвращения развратных баб, но проблема нижнего белья оставалась открытой. Насколько было проще с носовыми платками! На первом же балу Румата извлек из-за обшлага изящный кружевной платочек и промокнул им губы. На следующем балу brave гвардейцы уже вытирали потные лица большими и малыми кусками материи разных цветов, с вышивками и монограммами. А через месяц появились франты, носившие на согнутой руке целые простыни, концы которых элегантно волочились по полу.

Румата натянул зеленые штаны и белую батистовую рубашку с застиранным воротом.

– Кто-нибудь дожидается? – спросил он.

– Брадобрей ждет, – ответил мальчик. – Да еще два дона в гостиной сидят, дон Тамэо с доном Сэра. Вино приказали подать и режутся в кости. Ждут вас завтракать.

– Поди зови брадобрея. Благородным донам скажи, что скоро буду. Да не груби, разговаривай вежливо...

Завтрак был не очень обильный и оставлял место для скорого обеда. Было подано жареное мясо, сильно сдобренное специями, и собачьи уши, отжатые в уксусе. Пили шипучее ируканское, густое коричневое эсторское, белое соанское. Ловко разделявая двумя кинжалами баранью ногу, дон Тамэо жаловался на наглость низших сословий. «Я намерен подать докладную на высочайшее имя, – объявил он. – Дворянство требует, чтобы мужикам и ремесленному сброду было запрещено показываться в публичных местах и на улицах. Пусть ходят через дворы и по задмам. В тех же случаях,

когда появление мужика на улице неизбежно, например, при подвозе им хлеба, мяса и вина в благородные дома, пусть имеет специальное разрешение министерства охраны короны». – «Светлая голова! – восхищенно сказал дон Сэра, брызгая слюнями и мясным соком. – А вот вчера при дворе...» И он рассказал последнюю новость. Пассия дона Рэбы, фрейлина Окана, неосторожно наступила королю на больную ногу. Его величество пришел в ярость и, обратившись к дону Рэбе, приказал примерно наказать преступницу. На что дон Рэба, не моргнув глазом, ответил: «Будет исполнено, ваше величество. Нынче же ночью!» – «Я так хохотал, – сказал дон Сэра, крутя головой, – что у меня на камзоле отскочили два крючка...»

Протоплазма, думал Румата. Просто жрущая и размножающаяся протоплазма.

– Да, благородные доны, – сказал он. – Дон Рэба – умнейший человек...

– Ого-го! – сказал дон Сэра. – Еще какой! Светлейшая голова!..

– Выдающийся деятель, – сказал дон Тамэо значительно и с чувством.

– Сейчас даже странно вспомнить, – продолжал Румата, приветливо улыбаясь, – что говорилось о нем всего год назад. Помните, дон Тамэо, как остроумно вы осмеяли его кривые ноги?

Дон Тамэо поперхнулся и залпом осушил стакан ируканского.

– Не припоминаю, – пробормотал он. – Да и какой из меня осмеятель...

– Было, было, – сказал дон Сэра, укоризненно качая головой.

– Действительно! – воскликнул Румата. – Вы же присутствовали при этой беседе, дон Сэра! Помню, вы еще так хохотали над остроумными пассажами дона Тамэо, что у вас что-то там отлетело в туалете...

Дон Сэра побагровел и стал длинно и косноязычно оправдываться, причем все время врал. Помрачневший дон Тамэо приналег на крепкое эсторское, а так как он, по его собственным

словам, «как начал с позавчерашнего утра, так по сию пору не может остановиться», его, когда они выбрались из дома, пришлось поддерживать с двух сторон.

День был солнечный, яркий. Простой народ толкался между домами, ища, на что бы поглазеть, визжали и свистели мальчишки, кидаясь грязью, из окон выглядывали хорошенькие горожанки в чепчиках, вертлявые служаночки застенчиво стреляли влажными глазками, и настроение стало понемногу подниматься. Дон Сэра очень ловко сшиб с ног какого-то мужика и чуть не помер от смеха, глядя, как мужик барахтается в луже. Дон Тамэо вдруг обнаружил, что надел перевязи с мечами задом наперед, закричал: «Стойте!» – и стал крутиться на месте, пытаясь перевернуться внутри перевязей. У донна Сэра опять что-то отлетело на камзоле. Румата поймал за розовое ушко пробежавшую служаночку и попросил ее помочь дону Тамэо привести себя в порядок. Вокруг благородных донов немедленно собралась толпа зевак, подававших служаночке советы, от которых та стала совсем пунцовой, а с камзола донна Сэра градом сыпались застезки, пуговики и пряжки. Когда они, наконец, двинулись дальше, дон Тамэо принялся во всеуслышание сочинять дополнение к своей докладной, в котором он указывал на необходимость «непричисления хороших особ женского пола к мужикам и простолюдинам». Тут дорогу им преградил воз с горшками. Дон Сэра обнажил оба меча и заявил, что благородным донам не пристало обходить всякие там горшки и он проложит себе дорогу сквозь этот воз. Но пока он примеривался, пытаясь различить, где кончается стена дома и начинаются горшки, Румата взялся за колеса и развернул воз, освободив проход. Зеваки, восхищенно наблюдавшие за происходившим, прокричали Румате тройное «ура». Благородные доны двинулись было дальше, но из окна на третьем этаже высунулся толстый сивый лавочник и стал распространяться о бесчинствах придворных, на которых «орел наш дон Рэба скоро найдет управу». Пришлось задержаться и переправить в это окно весь груз горшков. В последний горшок

Румата бросил две золотые монеты с профилем Пица Шестого и вручил остолбеневшему владельцу воза.

– Сколько вы ему дали? – спросил дон Тамэо, когда они пошли дальше.

– Пустяк, – небрежно ответил Румата. – Два золотых.

– Спина святого Мики! – воскликнул дон Тамэо. – Вы богаты! Хотите, я продам вам своего хамахарского жеребца?

– Я лучше выиграю его у вас в кости, – сказал Румата.

– Верно! – сказал дон Сэра и остановился. – Почему бы нам не сыграть в кости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Аркадий
СТРУГАЦКИЙ

Борис
СТРУГАЦКИЙ

The background of the cover is a detailed illustration of a warrior with long brown hair and a beard, wearing heavy, weathered metal armor. He is looking slightly to the right with a serious expression. The setting is a dark, ruined city with wooden buildings and debris, illuminated by a warm, orange light from the left, suggesting a fire or sunset. The overall tone is dramatic and epic.

Трудно
быть богот

Примечания

1

«И начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия» (Шекспир, «Гамлет»).

[Вернуться](#)